

ПРОЕКТ ПИСЬМА XXIII СЪЕЗДУ

Проект директив, выдвинутых на обсуждение съезда, показывает, что нынешняя экономическая структура нуждается в коренных реформах, и необходима этих реформ осознана. Дело теперь за тем, чтобы реформы проводились на уровне современной науки, продуманно, комплексно, с учетом последствий, которые некоторые мероприятия, принятые в одной области, вызывают в других областях, — без канцелярской спешки и бестолочи пятидесятих годов.

Отдельные сферы общества не являются изолированными агрегатами, каждый из которых можно ремонтировать по-одиночке. Общество — система, в которой все взаимосвязано, и ключ к решению конкретной экономической проблемы может лежать в области права, правовой — в экономике и т. д. Поэтому предпосылкой успешных реформ является ^{научно обоснованное} ~~научно обоснованное~~ ^{исследование} ~~исследование~~ центра, исследующего цепи общественных взаимодействий, комплексного социологического центра.

Такой теоретический центр не может совпадать с центром административным, непосредственно проводящим реформы. Даже очень талантливый администратор, захваченный текущими делами, не в состоянии взглянуть на процесс общественных сдвигов со стороны, охватить его единым взглядом, заметить недостатки и пороки своих собственных ре-

Был послан в сильно переделанном виде.

шений. Сами таланты администратора и теоретика довольно редко совпадают.

Правда, с помощью беспримерного террора Сталина удалось доказать, что весь ход общественно-политической мысли совершается в одной голове — его собственной. Личные теоретики (т. е. все остальное) были истреблены. Задачей теории стала апологетика, пропаганда уже принятых решений. Уровень «Вопросов философии» снизился до уровня «Блокнота агитатора». Это торжество администратора над теоретиками оказалось, однако, пирровой победой. Советская общественная система в значительной мере утратила то, что кибернетика называет обратной связью. Решение, принятое «сверху», расхваливалось всеми органами печати совершенно независимо от того, было оно удачным или ложным; ошибки, которые можно было сравнительно легко исправить по свежим следам, консервировались на десятилетия. В итоге — тяжелые, трудноизлечимые социальные сдвиги, с последствиями которых мы еще долго вынуждены будем бороться.

Мы побеждали на войне, — но лишь потому, что немцы поправляли ошибки Сталина, разбив полководцев, которых он назначил, и опорочив тактику, которую он избрал, — восстановив таким образом обратную связь и подтолкнув вперед развитие нашей военной науки и организации. В мирных условиях такой очевидной проверки ложности решения, как проигранная битва, нет. Выявить ошибку может только научная дискуссия. А научные дискуссии до сих пор связаны «установками». Если установок нет, тема становится запретной. (Например, известное время под запрет попало слово «Китай».

И до сих пор анализ положения в КНР ограничен бесчисленными табу.)

Наше развитие скрывает гипертерфия охранительной функции. Ни одно общество не обходится без каких-то мер поддержания общественной дисциплины. В речах о необходимости единства, организованности и т. п. всегда есть известный смысл. Но избыток дисциплины опасен. Он парализует мозг системы. И в быстро меняющейся обстановке наша страна в некоторых случаях ведет себя как динозавр — животное с большим и сильным телом, но неповоротливым мозгом.

Господство шаблонов делает нашу науку бесомощной в анализе современного положения, а нашу пропаганду вынуждает занять позиции непротивления злу насилием, когда противник оказывается не с той стороны, с которой ему, согласно шаблону, следует быть. Неумение или нежелание видеть угрозу опасность, выросшую на Востоке, достигает масштабов слепоты монхенских политиков, упорно твердивших, даже в 1940 году, что главный враг западных держав — Советский Союз. Точно так же многие наши товарищи находят сильные слова только против ФРГ и США, не учитывая, что конфликты между вариантами одной и той же формации могут быть острее, чем конфликты между странами совершенно разных систем. Эти люди не в состоянии ответить по достоинству антисоветской китайской пропаганде. Они по сути капитулируют перед ней и повторяют китайские тезисы — потому что последовательная борьба с китайскими шаблонами, невозможна без борьбы со сталинскими шаблонами, без продолжения идейной и организационной десталинизации, без развития и углубления реше-

ний XX и XXII съездов, нарушивших привычные шаблоны, заставивших думать и искать новые.

Опыт показал, что величайшую опасность представляет не тот или другой сложившийся путь социального развития, а волонтаристское беспутье, авантюристические скачки в пропасть. Такие скачки возможны не только на почве капитализма (франшизм), но и в первые десятилетия после его свержения (сталинизм, современные китайские безумства).

Было бы лучше, если бы этого не было, но это так, и из этого факта приходится исходить. Самая страшная опасность в XX веке — ультрадубового цвета, англуманистическое волонтаристское течение, вооруженное термоядерным оружием. Против него все обязаны объединяться. Ленин писал в «Философских тетрадях»: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Это относится не только к философии, но и к политике. Легче договориться о поддержании мира с умным миллиардером Ифеном, чем с глупым и чванлым китайским руководителем. Только шаблонные представления мешают упрочить мир.

Так же обстоит и с другими проблемами, между народными и внутренними. Они все разрешимы — если устранить идеологические шаблоны, открыть дорогу свободной научной дискуссии. Однако ограниченность кругозора заставляет некоторых руководителей рассматривать бесплодность интеллектуальной жизни, вызванную нерешенными задачами общественной жизни, в терминах борьбы за власть, как подлинную деятельность, а выслушания, в которых высказывается точка зрения научно-творческой интеллигенции — как «идеологические диверсии» (так.

например, было расценено выступление по телевидению нескольких ученых и писателей, выразивших тревогу о судьбе русского языка и русской культуры). Это чрезвычайно пагубные заблуждения. Ученый, писатель, режиссер и т. п. вовсе не хочет оставить свой кабинет или свой театр и заняться административной деятельностью. Но он сознает, что может внести свой вклад в обсуждение проблем, стоящих перед страной, и хочет внести этот вклад, а не только популяризовать уже принятые решения. Тут не прихоть, не каприз интеллигенции, а общественно-государственная необходимость. Это нужно всей стране, и прежде всего — руководству. Ибо свободное обсуждение общественных проблем, не предвешая конкретных политических решений, позволяет решать со знанием дела и быстро исправлять ошибки. Таким образом восстановлена будет обратная связь между политическим аппаратом и жизнью.

Развитие общественных наук и литературы так же не может быть привязано к политическим решениям, как точные науки — к технике и производству. Чтобы оплодотворять технику, точные науки должны развиваться по своей собственной логике; и, чтобы заново оплодотворить политику, общественные науки и литература должны восстановить свою свободу. Интеллигенция должна быть освобождена от опеки. В области теории правительств должно преодолеть первое слово *своя* — теоретикам.

Научно-творческая интеллигенция (вопреки тому, что о ней думают и говорят охранители), стремится не к анархии, а к законности и деловому порядку. Она хочет не разрушить существующую систему, а сделать ее гибче, разумнее, гуманнее. Она хочет организованного, вошедшего в быт диалога с

руководством, сотрудничеству в планировании и осуществлении реформ. Без подобного диалога невозможно дальнейшее развитие нашей страны.

Реформы, предстоящие нам, гораздо сложнее и значительнее, чем те, через которые прошла Россия сто лет назад. Сейчас речь идет о движении по которому еще не пройденному пути — к самоуправлению производителей. Но даже Александр II привлек к подготовке реформ все наличные интеллектуальные силы, не передоверил работу канцеляриям. И было бы нелепо пытаться вступить в эпоху нынешних реформ, не развязав руки интеллигенции, не развязав всех возможностей общественных наук.

Движение идей в области общественных наук не должно контролироваться больше, чем движение математических или физических идей. *Научные журналы и публикации необходимо освободить от венской цензуры. Установки могут существовать для пропаганды, для газет — но не для науки.*

Целесообразно создать несколько новых учреждений, призванных облегчить циркуляцию научных идей и подготовку реформ:

а) институты теоретической социологии, прикладной социологии, социальной психологии, социометрики;

б) теоретический совет (с открытыми для всех заседаниями) для планирования и анализа комплексных междисциплинарных исследований.

Хочется еще раз подчеркнуть, что речь идет не о той или иной частной реформе, а об организации работы, необходимой надолго и всерьез, на десятилетия. Прогрессивное решение поставленной историей задачи будет одновременно выходом из сегодняшних

них трудностей и шагом к нашей великой цели — «ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (К. Маркс и Ф. Энгельс).

Демократизация научной и общественной жизни, полная свобода мысли — одновременно цель нашего движения и путь к этой цели. Стоит вспомнить в этой связи один старый документ — письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 19 ноября 1892 года:

«Быть независимым, даже от рабочей партии, — тяжкий жребий. Но и отвлекаясь от денежной стороны дела, быть редактором газеты, принадлежащей партии, — неблагодарный пост для каждого, кто обладает инициативой. Маркс и я всегда были согласны в том, что *никогда* не займем такого поста, а сможем только издавать газету, независимую в денежном отношении даже от партии.

Ваше «отосударствление» печати может иметь большие недостатки, если зайдет слишком далеко. Вам, безусловно, необходимо иметь в партии прессу, независимую непосредственно от правления и даже от партийного съезда, то есть прессу, имеющую возможность в *рамках* программы и принятой тактики свободно выступать против тех или иных шагов, предпринятых партией, а также, не преступая границ партийной этики, подвергать свободной критике программу и тактику. Таковую прессу вы как Правление должны поощрять и даже создавать, тогда вы будете иметь на нее большее моральное влияние, чем если она возникнет наполювину *вопреки* вашей воле. Партия перерастает рамки существующей до сих пор жесткой дисциплины; при двух-трех миллионах явенов и постоянном притоке «образованных» элементов требуется большая сво-

бода действий, чем та, которая представлялась до сих пор и была не только достаточна, но приносила даже пользу тем, что ставила известные границы. Чем скорее вы приспособитесь сами и приспособите партию к этому изменившемуся положению, тем лучше. И первое, что требуется, это *формально* независимая партийная пресса. Появится-то она непременно, но будет лучше, если вы вызовете ее к жизни при таких обстоятельствах, чтобы она с самого начала находилась под вашим моральным влиянием, а не возникла наперекор вам и против вас».*

РАЗМЫШЛЮ О ЦИНЬСКОМ ОГНЕ*

То, что происходит в Китае, вряд ли можно свести к дурному характеру или ошибкам нескольких лиц. Не помогают и ссылки на «мелкобуржуазную» стихию. Категория, с помощью которой объясняются все неожиданные и неприятные события, где и когда бы они ни случились, теряет всякую определенность. Даже если говорить конкретнее, о крестьянстве, бросается в глаза, что индийские крестьяне ведут себя не так, как китайские; индонезийские — не так, как цейлонские — и т. п. Наконец, те же китайские крестьяне (и китайские кадры) по-разному вели себя до 1956 и после 1956 года. Видимо, одной фразой, одним определением здесь невозможно отделаться. Нужен анализ самых различных сторон процесса.

Не претендуя на исчерпывающее решение задачи, хочется, по крайней мере, вытянуть из китайского клубка несколько ниток и распрямить их в противоречивые модели. Дальнейшая дискуссия, разумеется, углубит и расширит предварительные заметки, — а кое в чем, вероятно, исправит их.

Ниже будут рассмотрены четыре аспекта китайских событий:

1. Психология и логика массовой шовинистической истерии.

* «Циньский огонь» — традиционное китайское обозначение событий III в. до н.э. (сожжение книг и закапывание живыми в землю книжников).

* Соч. т. 38, стр. 441-442.